

ШХ: Мне потребовалось много времени, чтобы признать, что я писательница. Я не позволяла себе тратить время — или воспринимать это всерьёз — в течение долгого, долгого времени. Но у тебя всё начиналось по-другому. У тебя уже было трое детей.СМ: Я не называла себя автором без каких-либо рода ехидных комментариев, по крайней мере, года два после того, как книга была распродана.

ШХ: Два года?СМ: У меня было очень сильное чувство паранойи — будто это было не по-настоящему, что всё это дело было розыгрышем — в течение очень долгого времени. Потому что переговоры по контракту заняли добрых девять месяцев, так что всё это время кто-то мог водить меня за нос. Только когда пришёл чек — и не испарился — я, правда, начала в это верить.

ШХ: Изменились ли люди по отношению к тебе — семья, друзья и знакомые?СМ: Ты знаешь, потому что, когда я начала писать, у меня была куча маленьких детей, мы переезжали пару раз. И ты теряешь связь с людьми в любом случае, так что я не цеплялась за многих своих друзей ещё до того, как начала писать, просто из-за местоположения. То же самое и с моими соседями по комнате в общежитии колледжа. Нам везёт, если удастся созвониться хотя бы раз в год. Затем я стала невероятно занятой — я изменилась — у меня уже не так много времени на социальные вещи. И я, правда, считаю, что, вероятно, потеряла некоторых друзей просто из-за полного пренебрежения. Потому что я не собиралась пренебрегать своими детьми.

ШХ: Да уж.СМ: И тем летом, с Сумерками, я не могла делать ничего социального. Зачем мне проводить время вдали от Форкса, когда я могу быть там? Сейчас я лучше могу балансировать всё это, и у меня есть несколько действительно замечательных друзей, что очень приятно. У меня также много родственников, и все они были очень классные, и поддерживали меня. Но из-за того, что их так много, мы не могли проводить много времени вместе. У меня семьдесят пять двоюродных братьев и сестёр лишь с одной стороны, так что мы не можем очень часто собираться вместе и веселиться. У большинства из нас есть по несколько детей. У моего отца была мачеха с пятью детьми; у его отца было семь.... Это, правда, очень большая семья. [Смеется] Большая дружная семья, и никто не был равнодушен к этому. Все были очень милы.

ШХ: Я считаю семья — это прекрасно.... Ведь они знали тебя ещё как несносную юную особу. [Смеется]СМ: Очень несносную. Аха, для них я просто Стефани.

ШХ: Я не считаю, что любой успех, который у меня был, смог осесть в моей голове, потому что я, правда, не могу воспринимать его всерьёз или принять его. Но если бы я когда-нибудь приблизилась к подобному, я считаю, моя семья будет рядом, чтобы поставить меня на место. [СМ смеется] Для этого и существует семья.СМ: Аха, мой муж, правда, хорош в том, чтобы держать меня в смирении, понимаешь? Потому что он такой математик. Если что-то не поддаётся количественной оценке — если оно не вписывается в уравнение — это не может быть нечто важным. Так что для него книги — это что-то вроде: О, ты знаешь... разве это не мило? Маленькая сказочная история. Для меня книги — это целый мир, и это совсем другая точка зрения. Так что это помогает. И потом, как и ты, я не верю, что это продлится даже секунды.

ШХ: Аха.СМ: И когда в моей карьере происходят негативные вещи, я как бы ожидаю их — больше, чем ожидаю положительных. Это почти как: Да, это то, что как я и думала, должно было произойти! Я предвидела, что это надвигается! Потому что я пессимистка — воспитанная в давних традициях прекрасного пессимизма [ШХ смеется], которая десятилетиями не ожидала ничего хорошего. Так что я пришла к этому естественно. [Смеется] Так что с выходом каждой новой книги я думаю: О, вот оно. Это последний раз, когда кто-либо захочет опубликовать меня. И, быть может, это здоровее, чем думать: Я лучшая! Я такая потрясающая! Я не думаю, что это здоровый образ мышления. Возможно, было бы неплохо оказаться где-то посередине, но... [Смеется]

ШХ: В некотором смысле мне бы хотелось иметь эту броню — великолепное авторское эго — что я права, и я знаю, что делаю, и я великолепна.СМ: Аха, это было бы неплохо.

ШХ: Итак, мы обе матери. И я считаю, что матери — знаменитые создания, страдающие чувством вины. [СМ смеется] Я имею в виду, что мы никогда не добиваемся успеха — мы всегда в чем-то терпим провал. Итак, приходилось ли тебе иметь дело с чувством вины за то, что ты, ну знаешь, потратили время — позволили себе найти время, чтобы стать писательницей, и добиться этого?СМ: Временами. Меня это не так уж часто беспокоит. Я считаю, это потому, что мои дети очень, очень замечательные. Они хорошие и счастливые. Я видела детей, с которыми обращаются как с центром вселенной, и я не считаю, что это полностью здоровое отношение. Я считаю, что моим детям правда полезно видеть, у меня есть своя собственная жизнь вне их — что я настоящая личность. Я считаю, что это поможет им, когда они вырастут, и у них появятся дети, осознать, что они всё ещё те, кто они есть. И потом, я очень осторожна, на счёт того когда я пишу. Сейчас это в основном, когда они в школе. Однако, когда они были маленькими, я никогда не запиралась в офисе — я всегда писал среди их безумия — так что я была там и могла дать всё, что им нужно. Они знают, что я слушаю их. И они также очень хороши в том, чтобы сказать: «Ладно, мама сейчас пишет. Если только я не истекаю кровью, я не собираюсь её беспокоить». А ещё я пишу по ночам. Когда они приходят домой из школы, мы делаем домашнее задание, и я слышу, как прошёл их день, и я готовлю для них перекус. Самое приятное в писательстве то, что ты можешь делать это по своему собственному расписанию. Но ты теряешь сон. Знаешь, у меня такое чувство, будто я не спала восемь часов в течение десяти лет.

ШХ: Это словно иметь новорожденного, написать книгу, не так ли?СМ: Это так. Ну, потому что ты лежишь в постели — и, о, да поможет тебе небеса, если ты начнёшь думать о сюжетной линии. Если у тебя в голове начнётся небольшой диалог, ты обречена — ты никогда не уснешь.

ШХ: Это так верно. Я могу довольно хорошо спать в начале ночи. Если по какой-то причине я просыпаюсь — или мой сын приходит и разбудит меня в любое время между двумя и пятью часами — и если мой разум на одну секунду вернётся к книге, которую я сейчас пишу, спать мне на остаток ночи не придётся. Я не смогу снова заснуть, потому что мой разум начинает работать снова и снова. Мне пришлось тренировать свой мозг для этого, так что я всегда пишу, даже когда я не пишу.СМ: Ты, по крайней мере, закладываешь вещи в свой затылок, чтобы решать проблемы.

ШХ: Именно — так что, когда я сажусь писать, это более продуктивно, потому что я работала над этим в своем мозгу. Но, как ты говоришь, когда ты делаешь это посреди ночи, ты обречена.СМ: Что ж, одна из моих проблем прямо сейчас заключается в том, что на данный

момент я не могу посвятить себя проекту, и я жду, когда закончу с публичностью. И этого, правда, никогда не произойдёт, так что мне нужно просто взять на себя обязательство. У меня есть около четырнадцати разных книг, и каждый вечер это новая. И я придумываю решения для одного момента, который правда беспокоит меня в одной истории. Я думала, быть может, я не смогу написать её из-за этого одного момента. Но потом я просыпаюсь в четыре часа утра с идеальным решением, и тогда я не могу снова заснуть.

ШХ: Я обнаружила, что если я просто это запишу, то мой разум может перестать так работать над этим.СМ: Именно.

<http://tl.rulate.ru/book/52023/1536268>